

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12682

EDN: QLOAAL

Семантика молчания в поэтике О. Ф. Берггольц

Н. А. Прозорова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом),

Российская академия наук

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: arhivistka@mail.ru

Аннотация. Феномен молчания в творческом наследии О. Ф. Берггольц до настоящего времени не изучался. Категория «молчание» рассматривается в статье как невербальный коммуникативный акт, невербальная форма духовного опыта и поведенческая стратегия. В центре внимания стихотворение «Отрывок» («Достигшей немое отчаянья...»), написанное Берггольц после поездки на строительство Волго-Донского канала. В тексте упоминается икона Спаса «Благое молчание», благодаря чему категория «молчание» обретает аксиологические характеристики: вынужденное молчание является стратегическим средством и осознается как спасение ото лжи (благое молчание). При этом лексема «молчание», рифмуемая с «отчаяньем», в социально-политическом контексте означает, что малодушное замалчивание страданий народа заслуживает порицания. В стихотворении «Отрывок» с аллюзией на «Silentium!» Тютчева и прямой отсылкой к истинному знанию («Он знал») маркируется ограниченность вербальных возможностей языка («никакими созвучьями / увиденного не передать»). В поэме «Февральский дневник» молчание актуализировано как «тождество говорящего, слушающего и темы», подчеркнута выразительность молчания как высшей точки коммуникации, отмечена его конвенциональность. В стихотворении «Нет, не из книжек наших скудных...» семантика молчания восходит к религиозной памяти автора: в финальной сцене в христианском молчании/примирении смыкается цепь поколений. Молчание как особое коммуникативное поведение приобретает ритуальный характер в ряде других текстов: встреча героини с отцом в повести «Дневные звезды» (главка «Секрет земли») насыщена силентивной лексикой; призыв к молчанию накануне смертных боев в стихотворении «К сердцу Родины руку тянет...» определяет нормативное поведение человека в пограничной ситуации. Молчание как осознанное и действенное сопротивление действиям властей (акт несогласия) проявлено в дневниковом дискурсе поэтессы и позднем цикле «Анне Ахматовой». Широкая семантическая палитра молчания выявляется на базе поэтических, прозаических и дневниковых текстов Берггольц.

Ключевые слова: Берггольц, икона Благое молчание, немое отчаянье, стихотворение Отрывок, невербальный коммуникативный акт, духовный опыт, поведенческая стратегия

Для цитирования: Прозорова Н. А. Семантика молчания в поэтике О. Ф. Берггольц // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 3. С. 208–227. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12682. EDN: QLOAAL

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12682

EDN: QLOAAL

Semantics of Silence in Poetics of O. F. Bergholz

Natalya A. Prozorova

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),

Russian Academy of Sciences

(St. Petersburg, Russian Federation)

e-mail: arhivistka@mail.ru

Abstract. The phenomenon of silence in the creative heritage of O. F. Bergholz has not been studied to date. The category of silence is considered in the article as a nonverbal communicative act, a nonverbal form of spiritual experience and a behavioral strategy. In the center of attention is the poem “Except” (“Reached mute despair...”), written by Bergholz after a trip to the construction site of the Volga-Don Canal. The text mentions the icon of the Savior “Good Silence,” thanks to which the category of silence acquires axiological characteristics: forced silence is a strategic means and is realized as salvation from lies (good silence). At the same time, the lexeme “silence” rhyming with “despair” in a socio-political context means that the cowardly silencing of the people’s suffering deserves censure. In the poem “Except” with an allusion to Tyutchev’s “Silentium!” and in direct reference to true knowledge (“He knew”), the limitations of the verbal capabilities of language are noted (“no consonance/what he saw cannot be conveyed”). In the poem “February Diary,” silence is actualized as “the identity of speaker, the listener and the topic,” the expressiveness of silence as highest point of communication is emphasized, its conventionality is noted. In the poem “No, not from our meager books...,” the semantics of silence goes back to the author’s religious memory: in the final scene, the chain of generations closes in Christian silence/reconciliation. Silence as a special communicative behavior acquires a ritual character in a number of other texts: the heroine’s meeting with her father in the story “Day Stars” (chapter “The Secret of the Earth”) is saturated with silentium vocabulary; the call to silence on the eve of mortal battles in the poem “The hand pulls to the heart of the Motherland...” determines the normative behavior of a person in a borderline situation. Silence as conscious and effective resistance to the actions of the authorities (an act of disagreement) is manifested in the diary discourse of the poetess and the late cycle “Anna Akhmatova.” An extensive semantic palette of silence is revealed on the basis of Bergholz’s poetic, prose and diary texts.

Keywords: Bergholz, Good Silence icon, mute despair, poem Excerpt, nonverbal communicative act, spiritual experience, behavioral strategy

For citation: Prozorova N. A. Semantics of Silence in Poetics of O. F. Bergholz. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 208–227. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12682. EDN: QLOAAL (In Russ.)

Изучение феномена молчания является актуальным направлением в современной науке и осуществляется на междисциплинарном уровне [Арутюнова], [Богданов], [Виролайнен], [Михайлова]. Статья посвящена выявлению смыслов молчания в творчестве и нравственно-этической программе О. Ф. Берггольц. В контексте заявленной темы молчание будет рассмотрено как невербальный коммуникативный акт [Крестинский]; невербальная форма духовного опыта [Михайлова]; поведенческая стратегия [Копылова, 2014]. В центре внимания — стихотворение «Отрывок» («Достигшей немого отчаянья...»), в котором ленинградская поэтесса упоминала икону Спаса «Благое молчание». Произведение будет рассмотрено в социокультурном контексте и в тематической связи с другими поэтическими, прозаическими и дневниковыми текстами Берггольц. Отметим, что феномен молчания исследуется уже на протяжении нескольких десятилетий, однако в проекции литературного наследия «блокадной музыки» будет проанализирован впервые.

1. Молчание против слова

Итак, обратимся к стихотворению «Отрывок». Оно было написано Берггольц в 1952 г. после посещения Волго-Донского канала, который возводился в основном силами строителей-заклученных. На «великую стройку» поэтесса приезжала дважды: 1–3 февраля она побывала на пуске Карповской насосной станции и в конце мая того же года наблюдала слияние рек — Волги и Дона.

Творческим результатом поездок явилась стихотворная подборка «На сталинградской земле», опубликованная в журнале «Знамя» в 1953 г.¹ Тема Волго-Дона наиболее ярко была раскрыта в стихотворении «В ложе Цимлянского моря» и циклах «Балка Солянка», «Из писем с дороги», вошедших в подборку.

¹ Берггольц О. Ф. На сталинградской земле // Знамя. 1953. № 1. С. 2–14.

Подчеркнем, что последний цикл «Из писем с дороги» вызвал неприятие критики, распознавшей в стихах несанкционированное описание «великой стройки»². Позднее, в 1956 г., о строительстве Волго-Донского канала поэтесса публично говорила следующее:

«Мы все знаем, что на Волго-Доне не совсем все было так, как мы изображали; мы все знаем, что, кроме созидательной работы, там было очень много народного страдания, но мы об этом *молчали* (курсив мой. — Н. П.)»³.

Стихотворение «Отрывок» не было включено автором в «сталинградскую» подборку и никогда не печаталось в составе ее циклов. Текст стихотворения не содержал каких-либо топонимов-маркеров или указаний на географию события, но при этом был насыщен именно впечатлениями от увиденного на строительстве канала.

Отрывок

«Достигшей немного отчаянья,
давно не молящейся богу,
иконку "Благое Молчание"
мне мать подарила в дорогу.

И ангел Благое Молчания
ревниво меня охранял.
Он дважды меня не нечаянно
с пути повернул. Он знал...

Он знал, никакими созвучьями
увиденного не передать.
Молчание душу измучит мне,
и лжи заржавеет печать...»

(1952⁴).

² Критик Б. Соловьев писал, что стихи оставляют «странное и смутное впечатление», и советовал с ними разобраться (Соловьев Б. Поэзия и правда // Звезда. 1954. № 3. С. 157).

³ Берггольц О. Дневные звезды. Говорит Ленинград. М.: Правда, 1990. С. 386.

⁴ Цит. по: Берггольц О. Ф. «Не дам забыть...»: избранное / сост., вступ. ст. и коммент. Н. Прозоровой. СПб.: Полиграф, 2014. С. 250. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Берггольц*, указанием года 2014 и страницы в круглых скобках.

Реминисцентное упоминание (называние) иконы «Благое молчание»⁵ отсылает к религиозной памяти Берггольц, воспитанной матерью в православной традиции (см. подробнее: [Прозорова, 2014а: 41–53]). «Икона дает человеку, — пишет В. Лепяхин, — онтологическое чувство реального присутствия Божия» [Лепяхин: 9]. Обращение Берггольц к иконе «Благое молчание»⁶ позволяет включить произведение, написанное ею в атеистическое время, в сакральный текст русской поэзии. Напомним, что иконе Спас «Благое молчание» посвящали стихотворения поэты начала XX в. Ф. Сологуб, В. Брюсов и Черубина де Габриак; в их произведениях молчание трактуется как религиозный феномен.

«Отрывок» Берггольц был написан в ином социокультурном пространстве. В нем лексема «молчание» является доминантой текста, рифмуется с «отчаяньем», что порождает другие коннотации. В стихотворении декларируется конфликтная ситуация, реализуемая в оппозиции слова и молчания. При этом мучительное — *вынужденное* — молчание в условиях жесткой цензуры оказывается предпочтительнее слова-лжи (языка-лжи). Берггольц писала в дневнике о подобной этической ситуации еще в мае 1941 г.:

«Все равно никто правды не скажет, — лучше "честно молчать"»⁷.

⁵ Название иконы Спас «Благое молчание», появившейся в России не позднее XV в., варьировалось в зависимости от надписи на образе: «Ангел Благое молчание», «Спас Благое Молчание», «Ангел Благого Молчания», «Истинное благое молчание», «Благое молчание господь Саваоф».

⁶ Икона «Благое молчание» представляет собой изображение Иисуса Христа до прихода к людям (до воплощения) в виде крылатого ангелоподобного отрока в царском далматике, украшенном жемчугом по рукавам и поясу. Руки юноши скрещены на груди. Над головой нимб, подобный восьмиконечной звезде. Звезду образуют два квадрата, один обозначает Божественность Творца-Вседержителя, другой — непостижимость Божества. Во второй половине XIX в. в старообрядческом медном литье сюжет Спаса «Благое молчание» получил широкое распространение. См. об иконе: [Пивоварова]. В одном из толкований образ символизирует смирение, молчаливое недеяние перед лицом страданий и смерти. О толкованиях иконы см.: [Припачкин: 134]. Существуют также иконы Спаса «Благое молчание» с клеймами. На них Ангел занимает центральную композицию — средник, который окаймляют восемнадцать медальонов с поясными изображениями избранных святых. Именно такая икона была в семейном обиходе Берггольцев.

⁷ Берггольц О. Ф. Мой дневник / сост., текстол. подгот., подбор илл. Н. А. Стрижковой; вступ. ст. Т. Ю. Красовицкой, Н. А. Стрижковой; коммент.

Когда выбор стоял между молчанием и ложью, для Берггольц молчание означало *благо*; запечатанные уста лучше, чем уста с печатью лжи (ср.: «Молчание душу измучит мне, / и лжи заржавеет печать...»).

Обратим внимание на номинацию стихотворения. Если Сологуб (в 1900 г.) и Брюсов (в 1908 г.) называли стихотворения одноименно иконе «Ангел Благое молчания» (у Брюсова — с подзаголовком «Молитва»), а Черубина де Габриак озаглавила текст «Спас Благое молчание» (1924), то Берггольц в 1952 г. так сделать не могла. Произведению, содержащему прямую отсылку к православной иконе, она дала завуалированное название — «Отрывок». Разберемся с этим.

В условиях цензурных притеснений (при жизни Сталина) «Отрывок», разумеется, не мог быть опубликован. Он появился в печати лишь на излете «оттепели» в сборнике «Узел» (1965)⁸. Представляется, что одной из возможных причин названия стихотворения могла стать самоцензура. Ведь сопоставление произведения даже на лексическом уровне (ср.: «иконку "Благое Молчание" / мне мать подарила в дорогу») с циклом «Из писем с дороги» могло скомпрометировать автора. Нейтральное же заглавие уводило от опасных ассоциаций и намеренно акцентировало внимание на оторванности произведения от волго-донских циклов.

Кроме того, номинация указывала на незавершенность текста и объявляла его частью, «деталью» чего-то большого и крупного. Характерно, что в своей творческой лаборатории Берггольц отводила «наброску», «отрывку» весьма значимую роль. Размышляя о *Главной книге* писателя, она заявляла:

«...И у меня <...> есть Главная книга, которая все еще впереди, отрывки из которой рассеяны и в том, что напечатано стихами и прозой, и в том, что держится пока еще в черновике, в столе, или только в сердце, в памяти» (Берггольц, 2014: 333).

Н. А. Громовой, Н. А. Стрижковой. М.: Кучково поле, 2017. Т. 2: 1930–1941. С. 624. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Берггольц*, указанием года 2017 и страницы в круглых скобках.

⁸ Берггольц О. Ф. Узел: новая книга стихов. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. С. 88.

«Заметки», «отрывки», «сноски на полях» — все это в понимании Берггольц — важнейшие «детали» будущей Главной книги, которая, по ее словам, «как бы всегда в черновике» (*Берггольц, 2014: 333*). Так и осталась черновиком, например, вторая часть автобиографической повести «Дневные звезды», в которой поэтесса предполагала рассказать о репрессиях 1937–1938 гг. Учитывая этот аспект, номинацию стихотворения можно рассматривать в расширенной интерпретации.

Заголовок стихотворения «Отрывок» позволяет «развернуть» тему замалчивания народных страданий от Волго-Дона до пространства всей страны. В публичном дискурсе невозможно было писать не только о репрессиях, которым, в частности, подвергалась сама Берггольц, но и о тяготах блокадной жизни ленинградцев: так называемая ленинградская тема подавалась в редуцированном виде. Ситуацию сокрытия (утаивания) истинного положения в городе, в которую во время блокады были втянуты многие писатели и журналисты, Берггольц называла «заговором молчания вокруг Ленинграда»⁹. «Об этом *молчат* (курсив мой. — Н. П.), об этом не пишут, об этом ("образно") даже мне не разрешили сказать в стихах, — писала она. — Зачем мы лжем даже перед гибелью? О Ленинграде вообще пишут и вещают только системой фраз: "На подступах идут бои" и т. п.» (*Берггольц, 2020: 51*). В стихотворении «Третье письмо на Каму» (1943) Берггольц обещала:

«...мы отомстим за все, о чем молчали,
за все, что скрыли
от Большой Земли!»

(*Берггольц, 2014: 190*).

---

⁹ Ср.: «Писать такие рассказы, как Тихонов, — я могу, конечно, — и даже они немаловажная вещь в заговоре молчания вокруг Ленинграда, но это все не то, не то...» (Берггольц О. Ф. *Мой дневник / отв. сост. А. П. Гаврилова, Н. А. Стрижкова. М.: Кучково поле Музеон, 2020. Т. 3: 1941–1971. С. 161*). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Берггольц*, указанием года 2020 и страницы в круглых скобках.

С этим текстом коррелирует довоенное стихотворение Берггольц «Нет, не из книжек наших скудных...» (1940) из цикла «Возвращение». В первых же его строках констатируется невозможность говорить полным голосом и дается нелестная автохарактеристика писательского труда:

«Нет, не из книжек наших скудных,
подобья нищенской сумы,
узнаете о том, как трудно,
как невозможно жили мы»
(Берггольц, 2014: 114–115).

Дневниковые записи Берггольц также содержат размышления о малодушном молчании. Вспоминая кампанию против «космополитов» и «ленинградское дело» (в 1949 г. над Берггольц вновь нависла угроза ареста), она писала:

«Не выступала по этому делу, слово "космополит" не произнесла ни устно, ни письменно, но ощущение себя подлецом, за то что молчал и не выступал против этого кошмара — до сих пор живо» (Берггольц, 2020: 512).

Необычный образ немой тишины дан в стихотворениях Берггольц, написанных на завершение Советско-финляндской войны (мирный договор был заключен 12 марта 1940 г.). Окончание «той войны незначимой» (по выражению А. Т. Твардовского¹⁰) поразило поэтессу (которая, впрочем, финскую войну «не принимала» (Берггольц, 2017: 624)) отсутствием ожидаемой победной риторики в публичном пространстве. Вместо этого в мире воцарилось «говорящее» безмолвие:

«Откуда ж молчанье на пире?
И чаши с вином не стучат,
И струны безмолвны на лире,
И гости, потупясь, молчат»
(Берггольц, 2014: 135).
«Откуда такое молчание?», 1940

---

¹⁰ См. окончание стихотворения «Две строчки» (1943) А. Т. Твардовского: «На той войне незначимой, / Забытый, маленький, лежу» (Твардовский А. Т. Стихотворения и поэмы: в 2 т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 1: стихотворения. С. 263).

«О друг, я не думала, что тишина
 Страшнее всего, что оставит война.

<...>

Не смерть и не жизнь — немота, немота —
 Отчаяние, стиснувшее уста»

(Берггольц, 2014: 136).

«О друг, я не думала, что тишина...», 1940

В данном контексте отсутствие сообщения (или «красноречивое молчание») рассматривается исследователями как источник информации [Свинцов]. Иными словами, факт окончания войны подлежит обязательному (облигативному) реферированию в средствах массовой информации. В случае отсутствия в информационном поле ожидаемого развернутого разъяснения происшедшего, молчание свидетельствует о неоднозначной оценке факта-события. «Жестокой» правды о финской войне узнать нельзя; вокруг — немота:

«Безмирно живущему мертвые мстят:

Все знают, все помнят, а сами молчат»

(Берггольц, 2014: 136).

Так, молчание приобретает аксиологические характеристики. В стихотворении «Отрывок» вынужденное молчание выступает стратегическим средством, осознается как спасение ото лжи, оно — благо. Замалчивание страданий народа (блокада, репрессии, политические кампании и т. д.), а также отсутствие правдивого, пусть и «жестокое», слова (оценки того или иного события) определяются как малодушное поведение и заслуживают порицания.

2. Молчание вместо речи

Есть и другие смыслы молчания в текстах Берггольц. В том же стихотворении «Отрывок» проявлен другой его аспект — эстетический (напомним: «Он знал, никакими созвучьями / увиденного не передать»). Здесь прочитывается аллюзия на «Silentium!» Ф. Тютчева («Мысль изреченная есть ложь»), но в первую очередь — отсылка к истинному знанию («Он знал») и декларируется ограниченность вербального языка для передачи экзистенциального опыта. Молчание, по словам М. Михайловой, «возникает как ответ человека

на жизненные ситуации такой значимости и интенсивности, с какими не справляется язык. Молчание — способ существования личности на границе, перед лицом последних реальностей: любви, истины, смерти» [Михайлова: 98]. В «Ленинградской поэме» (1942) Берггольц пишет:

«И я утрату понесла.
К ней не притронусь даже словом —
такая боль...»
(Берггольц, 2014: 180).

В поэме «Февральский дневник» (1942) молчание актуализировано в акте совместного переживания, оно является необходимым условием взаимопонимания и формой общего с собеседником духовного опыта.

«Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
не плача, рассказала, что вчера
единственного схоронила друга,
и мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова,
я тоже — ленинградская вдова»
(Берггольц, 2014: 163).

Молчание, говоря словами М. Эпштейна, «получает свою тему от разговора», который «по-новому продолжается в молчании, он создает возможность молчания, обозначает то, о чем молчат» [Эпштейн: 247]. Далее Берггольц переводит молчание в конвенциональный регистр — в традиционную *минуту молчания* погружается весь город:

«Мы съели хлеб,
                                что был отложен на день,
в один платок закутались вдвоем,
и тихо-тихо стало в Ленинграде.
Один, стуча, трудился метроном...»
(Берггольц, 2014: 163).

Кроме того, автор подчеркивает выразительность молчания как высшую (кульминационную) точку коммуникации:

«Как мы в ту ночь молчали, как молчали...»
(Берггольц, 2014: 165).

Богословское понимание феномена молчания в коммуникативном аспекте означает «тождество говорящего, слушающего и темы» [Кушнер: 310]. Ситуативно картина именно такая: общая тема собеседниц (смерть мужей в блокадном Ленинграде) и их единый статус, говорящая и слушающая — вдовы. А. В. Кушнер пишет: «Всякий коммуникативный акт в наивысшей форме своего проявления включает в себя стадии подлинного человеческого молчания. <...> человек <...> нуждается в молчании. В том самом молчании, которое проявляет себя не просто во внешнем не-произнесении слов, а является тишиной рассудка. Только лишь эта тишина способна породить, и готова воспринять человеческие слова в их подлинной полноте» [Кушнер: 310–311].

Молчание вдов в поэме Берггольц вставлено в «вербальную рамку»¹¹; оно возникает *после* слова и одновременно является предпосылкой, *ожиданием* слова. Берггольц пишет:

«Как мы в ту ночь молчали, как молчали...
Но я должна, мне надо говорить
с тобой, сестра по гневу и печали:
прозрачны мысли и душа горит»
(Берггольц, 2014: 165).

В уже упомянутом стихотворении «Нет, не из книжек наших скудных...», в его заключительной части, молчание приобретает еще один немаловажный спектр в коммуникативной сфере. Берггольц обращается к читателям-потомкам со следующими словами:

«Но если, скрюченный от боли,
вы этот стих найдете вдруг,
как от костра в пустынном поле
обугленный и мертвый круг;
но если жгучего преданья
дойдет до вас холодный дым —
ну что ж, почтите нас молчаньем,
Как мы, встречая вас, молчим...»
(Берггольц, 2014: 116).

¹¹ Выражение Н. Бабенко [Бабенко: 71].

Семантика молчания здесь также восходит к религиозной памяти автора. Желаемая встреча поколений у Берггольц представляет собой репрезентацию *благого молчания*: почтительно и милосердно встречают потомки безмолвных и смиренных предков. Так, в христианском молчании — состоянии примирения — смыкается цепь поколений.

3. Молчание как испытание

Характерная повторяющаяся рифма «молчание — отчаянье» погружает читателя в сугубо политический контекст тюремных стихов Берггольц. Пребывание в застенках по сфабрикованному обвинению в контрреволюционной деятельности — тяжелое испытание для поэтессы, которая была арестована беременной и провела в заключении полгода¹². Молчание в тюрьме, с одной стороны, было жестокой пыткой (ее помещали в камеру-одиночку), психологическим насилием, а с другой — проявлением стоического терпения и сопротивления: пройдя многочисленные допросы, Берггольц никого не оговорила, не предала и свою вину не признала. «Дикое молчание» заключенной — это полный отказ от речи поставленного в пограничные условия человека, находящегося на грани безумия:

«Дни проводила в диком молчании,
Зубы сцепив, охватив колени.
Сердце мое сторожило отчаянье,
Разум — безумия цепкие тени»
(Берггольц, 2014: 103).

«Дни проводила в диком молчании...», 1939

В дневниковых записях Берггольц лексема «молчание» встречается и в значении «терпение». Поэтесса не раз призывала себя к выдержке, цитируя «Записки сумасшедшего» (1835) Н. В. Гоголя:

«"Ничего, ничего", как говорил Поприщин: "молчание, молчание"...» (Берггольц, 2017: 510).

Еще одна цитация о молчании из классического текста была сделана в период репрессий Берггольц по «делу Авербаха»

¹² О. Ф. Берггольц была арестована в ночь с 13 на 14 декабря 1938 г.; выпущена из тюрьмы за недоказанностью обвинений 3 июля 1939 г. (см.: [Прозорова, 2014b: 17–18]).

в 1937 г., когда она была исключена из Союза советских писателей, профсоюза, кандидатов в члены партии (ей инкриминировали идеологическую связь с напостовцем Л. Л. Авербахом, арестованным по обвинению в троцкизме и затем расстрелянным) (см.: [Прозорова, 2014b: 16–17]. Берггольц оказалась в изоляции от писательского сообщества, ее общение ограничилось узким семейным кругом. В декабре 1937 г. в письме к сестре Марии Ольга Берггольц использовала цитату из «фантастического рассказа» «Кроткая» Ф. М. Достоевского:

«...больше нужно беречь друг друга... Потому что ведь правда же, — "Одни только люди, а кругом них — молчание, — вот земля...". Правда, единственно верная и вечная правда»¹³.

Ситуация бойкотирования Берггольц братьями-писателями была сопоставлена поэтессой с положением героини рассказа «Кроткая», которая подверглась агрессивному молчанию со стороны мужа и покончила собой.

4. Опустошенное и ритуальное молчание

В автобиографической повести Берггольц «Дневные звезды» обращает на себя внимание обилие силентивной лексики¹⁴ в сцене встречи героини с отцом (главка «Секрет земли»). После смерти в блокадном Ленинграде мужа, Н. С. Молчанова, Берггольц отправилась к отцу, работавшему врачом в амбулатории за Невской заставой, чтобы сообщить ему о своем горе. Прodelав нелегкий путь, она пришла:

«Я молча (курсив мой. — Н. П.) стояла перед загородочкой, перед папой. Он поднял отекшее свое лицо, взглянул на меня снизу вверх очень пристально и вежливо спросил:
— Вам кого, гражданка?» (Берггольц, 2014: 454).

Отец не узнал ни дочь, ни ее голос. Берггольц писала:

«Я смотрела на него и молчала (курсив мой. — Н. П.). Не рыдание, не страх, нечто неведомое — что-то, что я не могу

¹³ Цит. по: О. Ф. Берггольц и «дело Авербаха»: письма к сестре / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. А. Прозоровой // Литературный архив советской эпохи: сб. ст. и публ. Кн. 4 (в печати).

¹⁴ Под силентивной лексикой (от *silence* (англ., фр.)) понимается наличие в тексте словоформ с корнем *-молч-* и *-молк-* (см.: [Ренанский: 14]).

определить даже теперь, — охватило меня, но тоже что-то мертвое, бесчувственное» (Берггольц, 2014: 454).

Это «мертвое, бесчувственное» состояние, объявившее Берггольц, можно определить как *опустошенное молчание*, вызванное тяжелой потерей¹⁵. После того, как дочь выговорила — «да ведь это я — Ляля!..» (Берггольц, 2014: 455) — молчание охватило отца:

«Он *молчал* (курсив мой. — Н. П.), как мне показалось, очень долго, а вероятно, всего несколько секунд. Он понял, почему я пришла к нему. Он знал, что Николай был в госпитале. И папа *молча* (курсив мой. — Н. П.) вышел из-за барьерчика, встал против меня и, низко склонив голову, *молча* (курсив мой. — Н. П.) поцеловал мне руку. <...> Он очень любил Николая. Но ни о нем, ни о смерти его *мы не говорили* (курсив мой. — Н. П.) больше ни слова» (Берггольц, 2014: 455).

Молчание отца как особое коммуникативное поведение принимает в сцене сакральный характер, функционирует как знак уважения к горю дочери и одновременно демонстрирует полноту общения в простом безмолвии (слова в такой ситуации банальны и неуместны). Важно отметить, что выход героини из ситуации молчания был неожиданным¹⁶. Каузатором молчания дочери была внутренняя опустошенность, но затем, в кругу людей, от тепла печки омертвелость прошла, отпустила, и далее выход из молчания был неосознанным и неконтролируемым:

«На меня напала какая-то болезненная болтливость. <...> хотелось говорить, говорить о чем угодно» (Берггольц, 2014: 456).

«Молчание о сокровенном, — пишет Н. Д. Арутюнова, — ритуализовано» [Арутюнова: 114]. В стихотворении «К сердцу Родины руку тянет...» (1941) призыв к молчанию в преддверии смертных боев также принимает ритуальный характер и усиливает художественную емкость текста.

¹⁵ «Молчание вследствие того, что душевные силы покидают человека, — *опустошенное молчание*» (см.: [Копылова, 2017: 529]).

¹⁶ На наличие «какой-либо неожиданности» в процессе выхода из ситуации молчания коммуникантов обращает внимание С. В. Валиулина, которая изучала тексты сибирских писателей [Валиулина: 179].

«Даже клятвы сегодня мало.
Мы во всем земле поклялись.
Время смертных боев настало —
будь неистов. Будь молчалив»
(Берггольц, 2014: 154).

Молчание на пороге «смертных боев» — нормативное поведение человека.

5. Молчание как протест

Молчание как коммуникативная деятельность в описываемую политическую эпоху (или «глухонемое наше время» — так называла его Берггольц¹⁷) заключало в себе и протестную составляющую. Т. Р. Копылова отмечает: «Молчание характеризуется целенаправленностью, адресностью, интенциональностью, что позволяет обозначить его как некое действие, как акт» [Копылова, 2015: 7]. Акт молчания несет в себе информацию, которую «считывает» и интерпретирует адресат. Молчание получает высокий статус в социальном пространстве, когда транслирует несогласие с деятельностью институтов власти. В то время, когда власть ждет словесного одобрения собственных инициатив или требует от подопечных публичного покаяния, действенное молчание воспринимается адресантом (молчащим) как победа, а адресатом — как поражение.

Именно такое осознанное сопротивление молчанием описано в дневнике Берггольц после состоявшегося 17 мая 1957 г. в Москве III пленума правления Союза советских писателей:

«Уже то, что товарищи, "напозволявшие" себе, промолчали на пленуме, не выступив с покаянием, — уже это победа. Их, в первую очередь Твардовского, буквально принуждали выступить с покаяниями. Запад же призывал "к подвигу молчания". Они не выступили.

Я за все это время тоже ни разу не выступала, — никак» (Берггольц, 2020: 546).

Упоминание в тексте, пусть и с ироническим оттенком «подвига молчания» — христианской аскезы — не случайно: не выступивших на пленуме писателей ожидали разнообразные

¹⁷ Из стихотворения «Когда ж ты запоешь, когда...» (1951) цикла «Пять обращений к трагедии» (Берггольц, 2014: 240).

санкции в виде «проработочных» статей, задержек издания книг и т. д. И все же «подвиг молчания» совершался.

В этой связи обращает на себя внимание позднее стихотворение Берггольц из цикла «Анне Ахматовой», где поэтесса (в который раз!) рифмовала лексемы *отчаянье* — *молчание*.

«...Что же мне подарила она?

<...>

Волю — тихо, своею рукой задушить

подступившее к сердцу отчаянье,

Волю — к чистому, звонкому слову.

И грозную волю — к молчанию»

(Берггольц, 2014: 290–291).

«Она дарить любила. Всем. И — разное...», 1970

Лексема «молчание» поставлена в сильную позицию, в финал стихотворения (а, как справедливо замечено, «только конец дает возможность понять текст» [Ужаревич: 20]), и выполняет особую смыслообразующую функцию. Из всех перечисленных «даров» Ахматовой для Берггольц был наиболее важен именно последний — грозное молчание. Благодаря финальной позиции такое молчание превосходит по значимости даже противопоставленное ему «чистое, звонкое слово».

Таким образом, анализ поэтических, прозаических и дневниковых текстов О. Ф. Берггольц показал, что семантическая палитра молчания в творческом сознании поэтессы разнообразна. Молчание, репрезентуемое в православной традиции, эстетической и коммуникативной сферах, содержит следующие смыслы:

- благое молчание — уход от лживого (неверного) слова;
- молчание как «невыразимое» — ограниченность вербального языка;
- благое христианское молчание — состояние примирения;
- молчание как кульминационная точка в общении;
- замалчивание правды — поведенческая стратегия, заслуживающая порицания;
- молчание как испытание;
- молчание — осознанное сопротивление (акт несогласия).

Список литературы

1. Аругюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 106–117.
2. Бабенко Н. Семантический комплекс «молчание/немота/тишина» в языке русской поэзии второй половины XX века // Балтийский филологический курьер. 2003. № 2. С. 69–89.
3. Богданов К. А. Очерки по антропологии молчания: Номо Тасенс. СПб.: РХГИ, 1997. 348 с.
4. Валиулина С. В. Средства репрезентации ситуации молчания и выхода из нее // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1 (61). Т. 2. С. 177–180.
5. Виролайнен М. Речь и молчание: сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. 503 с.
6. Крестинский С. В. Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2011. Вып. 1. С. 34–37.
7. Копылова Т. Р. Промолчать — помолчать — смолчать (об особенностях русского коммуникативного молчаливого поведения) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2014. Вып. 4. С. 169–172.
8. Копылова Т. Р. Молчание как термин: проблема многозначности // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. Т. 25. № 5. С. 7–11 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/3488> (12.05.2023).
9. Копылова Т. Опустошенное молчание в структуре русского речевого поведения (на материале произведений Федора Достоевского и Леонида Андреева) // Русистика и современность: старые вопросы, новые ответы / под ред. И. Любохи-Круглик, О. Малысы, Г. Вильк, А. Зых. Katowice, 2017. С. 521–530.
10. Кушнер А. В. Православное понимание молчания как тождества говорящего, слушающего и темы // Религия и общество-13: сб. науч. ст. XIII Международно-практической конференции / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. С. 310–312.
11. Лепяхин В. В. Икона в русской художественной литературе: икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М.: Отчий дом, 2002. 736 с.
12. Михайлова М. В. Эстетика молчания: молчание как апофатическая форма духовного опыта. М.: Никея, 2011. 320 с.
13. Пивоварова Н. В. «Благое молчание» // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Православная энциклопедия, 2002. Т. 5: Бессонов — Бонвеч. С. 313–314.
14. Припачкин И. А. Иконография Господа Иисуса Христа. М.: Паломникъ, 2001. 223 с.

15. Прозорова Н. А. Ольга Берггольц: начало (по ранним дневникам). СПб.: Росток, 2014. 288 с. (a)
16. Прозорова Н. А. Судьба поколения в стихах и прозе Ольги Берггольц // Берггольц О. Ф. «Не дам забыть...»: избранное / сост., вступ. ст. и коммент. Н. Прозоровой. СПб.: Полиграф, 2014. С. 3–34. (b)
17. Ренанский А. Л. Феноменология молчания в ранних произведениях Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2021. Т. 23. С. 13–28.
18. Свинцов В. Отсутствие сообщения как возможный источник информации: логико-гносеологический аспект // Философские науки. 1983. № 3. С. 69–75.
19. Ужаревич Й. (Транс)парадокс конца (из книги «Композиция лирического стихотворения») // Поэтика финала: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. С. 16–22.
20. Эпштейн М. Н. Ирония идеала: парадоксы русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 385 с.

References

1. Arutyunova N. D. Silence: Usage Contexts. In: *Logicheskiy analiz yazyka: yazyk rechevykh deystviy* [Logical Analysis of Language: the Language of Speech Actions]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 106–117. (In Russ.)
2. Babenko N. The Semantic Complex “Silence/Dumbness/Quietness” in the Language of Russian Poetry of the Second Half of the 20th Century. In: *Baltiyskiy filologicheskiy kur'er* [Baltic Philological Courier], 2003, no. 2, pp. 69–89. (In Russ.)
3. Bogdanov K. A. *Ocherki po antropologii molchaniya: Homo Tacens* [Essays on the Anthropology of Silence: Homo Tacens]. St. Petersburg, The Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1997. 348 p. (In Russ.)
4. Valiulina S. V. Means of Representing the Situation of Silence and Getting Out of It. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2015, no. 1 (61), vol. 2, pp. 177–180. (In Russ.)
5. Virolaynen M. *Rech' i molchanie: syuzhety i mify russkoy slovesnosti* [Speech and Silence: Plots and Myths of Russian Literature]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2003. 503 p. (In Russ.)
6. Krestinskiy S. V. Silence as a Means of Communication and Its Functions in Language Discourse. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Herald of Tver State University. Series: Philology], 2011, issue 1, pp. 34–37. (In Russ.)
7. Kopylova T. R. Promolchat' (Say Nothing) — pomolchat' (Keep Silent) — smolchat' (Hold One's Tongue) (Special Aspects of the Russian Communicative Silent Behavior). In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology], 2014, issue 4, pp. 169–172. (In Russ.)

8. Kopylova T. R. Silence as a Term: the Problem of Polysemy. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology], 2015, vol. 25, no. 5, pp. 7–11. Available at: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/3488> (accessed on May 12, 2023). (In Russ.)
9. Kopylova T. Silence Expressing Devastation in the Structure of Russian Speech Behavior (Based on the Works of Fyodor Dostoevsky and Leonid Andreev). In: *Rusistika i sovremennost': starye voprosy, novye otvety* [Rusistics and Modernity: Old Questions, New Answers]. Katowice, 2017, pp. 521–530. (In Russ.)
10. Kushner A. V. Orthodox Understanding of Silence as the Identity of the Speaker, the Listener and the Topic. In: *Religiya i obshchestvo-13: sbornik nauchnykh statey XIII Mezhdunarodno-prakticheskoy konferentsii* [Religion and Society-13: Collection of Scientific Articles of the 13th International Practical Conference]. Mogilev, Mogilev State University Publ., 2019, pp. 310–312. (In Russ.)
11. Lepakhin V. V. *Ikona v russkoy khudozhestvennoy literature: ikona i ikonopochitanie, ikonopis' i ikonopistsy* [The Icon in Russian Literature: the Icon and the Veneration of Icons, Icon Painting and Icon Painters]. Moscow, Otchiy dom Publ., 2002. 736 p. (In Russ.)
12. Mikhaylova M. V. *Estetika molchaniya: molchanie kak apofaticheskaya forma dukhovnogo opyta* [Aesthetics of Silence: Silence as an Apophatic Form of Spiritual Experience]. Moscow, Nikeya Publ., 2011. 320 p. (In Russ.)
13. Pivovarova N. V. “Good Silence”. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2002, vol. 5, pp. 313–314. (In Russ.)
14. Pripachkin I. A. *Ikonografiya Gospoda Iisusa Khrista* [Iconography of Jesus Christ]. Moscow, Palomnik Publ., 2001. 223 p. (In Russ.)
15. Prozorova N. A. *Ol'ga Berggol'ts: nachalo (po rannim dnevnikam)* [Olga Bergholz: The Beginning (from Early Diaries)]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2014. 288 p. (In Russ.) (a)
16. Prozorova N. A. The Fate of a Generation in Poems and Prose by Olga Bergholz. In: *Berggol'ts O. F. “Ne dam zabyt'...”: izbrannoe* [Bergholz O. F. “I Will Not Let You Forget...”: Selected Works]. St. Petersburg, Poligraf Publ., 2014, pp. 3–34. (In Russ.) (b)
17. Renanskiy A. L. The Phenomenology of Silence in Dostoevsky's Early Works. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021, vol. 23, pp. 13–28. (In Russ.)
18. Svintsov V. Absence of a Message as a Possible Source of Information: Logical-Epistemological Aspect. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 1983, no. 3, pp. 69–75. (In Russ.)
19. Uzharevich Y. (Trance) the Paradox of the End (From the Book “Composition of a Lyrical Poem”). In: *Poetika finala: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Poetics of the Final: Interuniversity Collection of Scientific Works]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2009, pp. 16–22. (In Russ.)

20. Epshteyn M. N. *Ironiya ideala: paradoksy russkoy literatury* [*The Irony of the Ideal: Paradoxes of Russian Literature*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 385 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Прозорова Наталья Аркадьевна, *Natalya A. Prozorova*, PhD (Philology), Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, St. Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3828-4080>; e-mail: arhivistka@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 16.06.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.07.2023

Принята к публикации / Accepted 27.07.2023

Дата публикации / Date of publication 12.09.2023